ПМЭФский проспект

С 18 по 21 июня проходит Петербургский международный экономический форум. Это, конечно, не выходные и не отпуск. Странные слова для обложки издания Weekend. Но ведь это так. Едва ли у кого-то из его участников остается время на осмотр города, посещение выставок и вообще какую-то культурную программу. На ПМЭФ едут не за этим.

Но все же город со всем его прошлым и настоящим незримо присутствует на всех событиях. И, словно ловкий волшебник, меняет декорации от мероприятия к мероприятию. Невский, Медный всадник, Эрмитаж, Исаакиевский собор, Летний сад, мимо которых мчат участников форума такси по мостам через Неву и Мойку, Фонтанку и Обводный канал, создают ту самую важную и совершенно ничем не заменяемую атмосферу.

Атмосферу пребывания в городе, который сам по себе и повседневность, и искусство. В котором сходились и расходились тысячи судеб, о котором написаны тысячи книг. Он словно сам себе избыточно пышная декорация и самая что ни на есть живая природа — со всей погодной непредсказуемостью.

Weekend постарался усилить петербургские впечатления для гостей ПМЭФ — а еще дать возможность напитаться атмосферой города тем, кто в этом году туда не попадет. И подготовил для этого специальный номер. В нем — и неизвестные детали о самых известных местах, и взгляд на бизнес сквозь века, и рассказы о том, как было принято тут проводить время раньше, и, наконец, откровенные признания его жителей о любимых звуках, вкусах, запахах — обо всем, что способно оставить неизгладимое воспоминание и заставить сюда вернуться.

исторический *W*
Петербургский бизнес — благодаря, вопреки и на века
→ 4

архитектурный *W*
Дом и дело, которые построил Зингер
→ 6

***W* с писателем**
Ксения Буржская о городе, который был, не был и всегда внутри
→ 8

познавательный *W*
Где в Питере пили Петр I, Пушкин, Довлатов и Смоктуновский
→ 14

1 Гальюнная фигура льва на носу корабля «Летучий Голландец», 2002

2 Ростральная колонна на Стрелке Васильевского острова, 1805–1810

3 Александр Бенуа. «Ярмарка в Санкт Петербурге», эскиз к балету «Петрушка», 1910

4 Блюдо «Поющий Интернационал», автор росписи Александра Щекатихина-Потоцкая, Государственный фарфоровый завод, 1921

5 Флюгер на шпиле Адмиралтейства, 1886

6 Скульптура зайца в Петропавловской крепости

W на экскурсии

Петербургские визитки

Малоизвестные факты о слишком хорошо известных местах

Северная столица из окна автомобиля, по пути с одной встречи на другую, предстает набором советских открыток с набившими оскомину достопримечательностями. Но всего капля контекста возвращает им свежесть и значимость.

Текст: Елена Соломенцева

ЭРМИТАЖ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Бирюзовым фасад стал только 78 лет назад

В XVIII веке заказчица проекта — императрица Елизавета Петровна — приказала архитектору Бартоломео Франческо Растрелли выкрасить здание в теплый охристый с белым декором. Тот же Растрелли придумал загородить печные трубы на крыше 176 скульптурами, установленными на карнизе. При следующих правителях дворец постепенно темнел, а Николай II распорядился выкрасить его в розовый (по его первоначальному плану — в кирпично-красный, но в итоге решили не подливать масла в огонь революционных настроений и осветлили). Большевики в 1920-х рискнули сделать Зимний дворец оранжевым, а война вынудила замаскировать его фальшфасадами. Привычный сегодня зелено-синий цвет здание приобрело уже после Великой Отечественной войны, в 1947 году.

СТАНИСЛАВ ТИХОМИРОВ

Зимний дворец, 1754–1762

ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР

Четвертый по величине купольный храм в мире

Исаакиевский уступает в размерах только собору Святого Петра в Ватикане, лондонскому Святому Павлу и Санта-Мария-дель-Фьоре во Флоренции. Его высота — почти 102 метра, он вмещает около 12 тысяч посетителей. А вес его оценивается в 300 тысяч тонн.

Самый дорогой храм Европы XIX века

Всего на осуществление проекта из российской казны было потрачено около 23 млн рублей — при средней зарплате рабочего тогда в 25 рублей в месяц). На облицовку купола ушло более 100 кг золота. Под основанием первой колонны можно найти старинную монету с изображением Александра I. Ее заложили во время торжественной церемонии с участием императорской семьи 1 апреля 1828 года. Поиски нужной колонны могут занять время: всего их 112.

Настоящая шкатулка с драгоценными камнями

В его убранстве использованы лазурит, черный сланец, порфир и разноцветные мраморы: белый, желтый, розовый, красный. А еще — 16 тонн малахита для колонн и облицовки, которые из собственных рудников безвозмездно предоставили монополисты — купцы Демидовы.

В советское время был антирелигиозным музеем

К куполу Исаакия был прикреплен самый большой в мире маятник Фуко (металлический шар весом 54 кг на длинном подвесе), который демонстрировал советским гражданам суточное движение Земли. Сейчас его место занимает символ Святого Духа в виде изображения голубя.

SHUTTERSTOCK PREMIER / FOTODOM

Памятник Николаю I на Исаакиевской площади, 1856–1859

Эрмитаж был создан как хранилище для частной арт-коллекции Екатерины II

Императрица стала ее обладательницей по случаю — за £40 555 удачно приобрела собрание премьер-министра Великобритании сэра Роберта Уолпола. Для 198 купленных ею произведений и нескольких привезенных из-за границы Петром I, в том числе полотен Рубенса, в 1764 году выделили флигель Зимнего дворца и обозначили его как Малый Эрмитаж — место для уединенного созерцания искусства. Даже название (фр. Hermitage) переводится как «скит отшельника».

Жемчужины коллекции

Больше 20 полотен Рембрандта (целый зал), среди которых многострадальная «Даная», «Флора» и «Возвращение блудного сына», Мадонны Леонардо да Винчи и единственная в России скульптура Микеланджело, мумия жреца Па-ди-иста, жившего предположительно в X веке до н. э., и до сих пор исправно работающие часы-автомат «Павлин» XVIII века. Самый необычный экспонат, пожалуй,— татуированная человеческая кожа, которую нашли на Алтае в одном из пяти скифских курганов.

Чтобы пройти сквозь все 350 залов музея, нужно преодолеть 20-километровую дистанцию

Осмотреть все экспонаты Эрмитажа за один день вряд ли получится. В коллекции в общей сложности 3 млн предметов искусства. На знакомство со всеми уйдет почти шесть лет жизни, даже если уделить каждому не больше минуты.

Изображение: из коллекции Галереи Люмьер

МИХАИЛ ЛУКИН ШЕФ-РЕДАКТОР АО «КОММЕРСАНТЪ»
ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ АРТ-ДИРЕКТОР

АННА ЧЕРНИКОВА ИЗДАТЕЛЬ
ОЛЕСЯ РЕПКИНА И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
МАРИЯ ГОТУНОВА УПРАВЛЯЮЩИЙ РЕДАКТОР

ТАТЬЯНА КРАВЦОВА ДИЗАЙНЕР
МАРИЯ ЛОБАНОВА БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО ФОТОРЕДАКТОР

ЕЛЕНА СТАФЬЕВА СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
УЛЬЯНА ВОЛОХОВА РЕСЕЧЕР

ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ КОРРЕКТОРЫ

СЕРГЕЙ КИРШИН
СВЕТЛАНА ЗАИКИНА ВЕРСТКА

РЕКЛАМНАЯ СЛУЖБА: ПОЛИНА ПРАНЕВСКАЯ; E-MAIL: PRANEVSKAYA@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ: НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА; E-MAIL: CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU ТЕЛ.: +7 495 797 6970 д. 2772

ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND» ЗАРЕГИСТРИРОВАН В РОСКОМНАДЗОРЕ ПИ №ФС77-64418 31.12.2015. УЧРЕДИТЕЛЬ — АО «КОММЕРСАНТЪ». АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ: 123112, Г. МОСКВА, ПРЕСНЕНСКАЯ НАБ., Д. 10, БЛОК С
ТИПОГРАФИЯ: ООО «ПЕРВЫЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ», РОССИЯ, 143405, МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г. КРАСНОГОРСК, П/О «КРАСНОГОРСК-5», ИЛЬИНСКОЕ ШОССЕ 4-ЫЙ КМ · БЕСПЛАТНО · ТИРАЖ 50 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

16+

← МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Медный всадник никакой не медный — он из бронзы

Прозвище у памятника появилось через 50 лет после установки. Так — для рифмы — назвал свою поэму и упомянутый в ней монумент Александр Пушкин:

И во всю ночь безумец бедный,
Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал.

Знал ли Пушкин о точном составе сплава, из которого сделан памятник Петру I? Конечно! Но правда и в том, что бронза на 80–90% состоит из меди.

Авторство идеи принадлежит императрице Екатерине II

Ей очень хотелось подчеркнуть свою политическую преемственность Петру I, и она решила увековечить его память таким красивым жестом. На осуществление проекта ушло почти 20 лет, но в итоге на постаменте появилась дарственная надпись: «Петру Первому — Екатерина Вторая». А в складках плаща Петра — «Лепил и отливал Этьен Фальконе, парижанин, 1778 год».

Скульптора выбрал французский философ Дени Дидро

Нанять для проекта Фальконе действительно посоветовал Екатерине II ее друг по переписке. В 1766 году русский посланник в Париже Дмитрий Голицын заключил контракт с Фальконе на 200 тысяч ливров (по современным расценкам — около 50 млн рублей).

Постамент сделан из цельного куска породы высотой 11 метров и весом 1500 тонн

Чтобы найти такой монолит, давали объявление в газете «Санкт-Петербургские ведомости» с обещанием вознаграждения. В итоге казенный крестьянин Семен Вишняков рассказал о гигантском Гром-камне (местные думали, что его откололо молнией во время грозы) у деревни Конная Лахта и получил заслуженные 100 рублей. Увидев камень, Екатерина II запретила обрабатывать его на месте — хотела сохранить природный вид. Транспортировка в Петербург заняла два года и потребовала строительства специального судна.

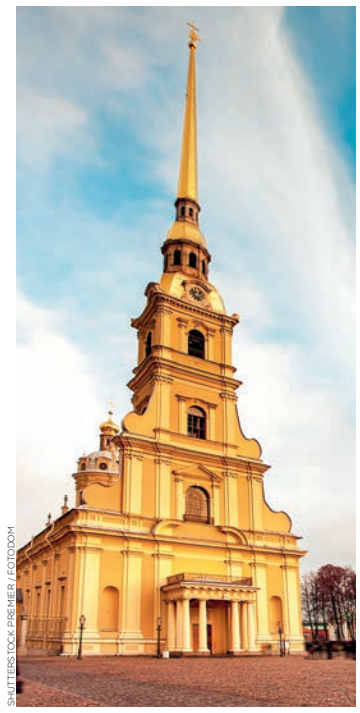
ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Крепость никогда не была задействована в сражениях, но ее гарнизон всегда находился в боевой готовности

Заячий остров, на котором Петр I решил построить крепость, идеален для оборонительного сооружения. Он расположен в самом широком месте Невы, противнику было бы крайне сложно высадиться на него.

Залп из пушки Нарышкина бастиона в разное время служил таймером, сигналом о бедствии и будильником

Первоначально залпами людей оповещали о начале и окончании ежедневных работ. Между выстрелами над башней реял Андреевский флаг. Позже так стали сигнализировать о наводнениях. Сегодня пушка работает как часы. Ежедневный залп из нее дается ровно в полдень — это традиция с 1873 года.

SHUTTERSTOCK.PREMIER / FOTODOM

Петропавловский собор, 1712–1733

До революции крепость использовалась как тюрьма для самых опасных политзаключенных

Началась эта практика с родного сына Петра I — царевича Алексея. Продолжили традицию декабристы. Пятерых из них здесь же казнили через повешение. В Петропавловке сидели писатели Александр Радищев, Федор Достоевский и Максим Горький. Николай Чернышевский написал в этой тюрьме свой роман «Что делать?».

Петропавловский собор 219 лет оставался самым высоким сооружением России

При строительстве собора у мастеров была задача сделать его выше колокольни Ивана Великого в Московском Кремле. Он вытянулся ввысь на 122 с половиной метра. Император Петр I так гордился постройкой, что часто заставлял иностранных гостей подниматься на колокольню и обозревать город с сверху. Сегодня туда можно попасть с экскурсией и послушать игру карильона — уникального органа из 51 колокола.

Почти все Романовы захоронены в Петропавловском соборе

До Петра I русских монархов хоронили в Архангельском соборе Московского Кремля. Начиная с умершей в младенчестве дочери Петра I и заканчивая семьей Николая II, останки которой перезахоронили в 1998 году, почти все представители царской династии покоятся здесь. Исключение — Петр II и Иван VI. Более дальние родственники императорской семьи захоронены в великокняжеской усыпальнице по соседству.

СЕРГЕЙ БРОВКО

Памятник императору Петру I «Медный всадник» на Сенатской площади, 1782

КРЕЙСЕР «АВРОРА»

Крейсер участвовал в боях Русско-японской, Первой мировой и Великой Отечественной войн

В ходе Русско-японской войны в «Аврору» попали боевыми снарядами 18 раз. Шесть раз сбивали с мачты флаг, но матросы снова и снова поднимали знамя. Сам крейсер выпустил по противнику больше 300 снарядов и много раз прикрыл собой другие русские суда. В результате боя «Аврора» потеряла 16 человек из команды, включая капитана Евгения Егорьева, и пять орудий. Корабль сильно пострадал, но сумел добраться на ремонт в нейтральном порту Манилы. Во время Великой Отечественной крейсер осуществлял противовоздушную оборону в Ораниенбауме под Ленинградом и часто попадал под обстрел немецкой авиации. От прямых попаданий в 1941 году «Аврора» получила пробоины и села на грунт Финского залива. Постепенно все орудия с крейсера передали сухопутным войскам, а сам корабль оставался затопленным до снятия блокады в 1944 году.

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

Корабль-музей «Аврора» во время буксировки у Петровской набережной

На борту «Авроры» несколько месяцев жили ручные боевые крокодилы

В поход к берегам Японии в 1905 году морякам разрешили взять с собой домашних питомцев. Не долго думая, матросы «Авроры» в одном из африканских портов приняли на борт двух взрослых крокодилов. Рептилий назвали Сам и Того и принялись дрессировать: устраивали им плановые купания и даже пробовали обучать командам.

Крейсер «Аврора» не давал сигнала к началу Октябрьской революции 1917 года

Вопреки устоявшемуся мнению, залп с «Авроры» не был сигнальным для начала штурма Зимнего дворца. Выстрел был совершен за два часа до его начала. Команда корабля почти сразу направила в редакцию газеты «Правда» записку, в которой пояснила: этот холостой выстрел должен был стать призывом к «бдительности и готовности». Но его все равно сделали символом восстания, а изображение крейсера поместили в центр ордена Октябрьской Революции. *W*

исторический *W*

Всегда время фото и десертов

Бизнес-хроника старейших предприятий Санкт-Петербурга

Удивительно, но в колыбели революции некоторые производства не только выживают, но и процветают. Причем иногда «вопреки», а иногда «благодаря». Многие знают о почти трехвековой истории Императорского фарфорового завода. Но к числу старейших в городе и даже в стране относится и предприятие по изготовлению оптики, часовое и даже кондитерское дело.

Текст: Василий Кузнецов

❶

ФИРМЕННАЯ СЕТЬ КАФЕ-КОНДИТЕРСКИХ «СЕВЕР-МЕТРОПОЛЬ»

❷

ФИРМЕННАЯ СЕТЬ КАФЕ-КОНДИТЕРСКИХ «СЕВЕР-МЕТРОПОЛЬ»

❸

КАССИН / РИА НОВОСТИ

❶ Кадр из фильма «Старшая сестра», режиссер Георгий Натансон, 1966

❷ Продукция кондитерской фабрики «Север-Метрополь»

❸ Продукция Петродворцового часового завода. Наручные часы марки «Ракета» и «НИИ», 1966

«РАКЕТА»

❹

«РАКЕТА»

Петродворцовый часовой завод «Ракета» — один из старейших в России. Все началось в 1721-м, когда была основана Петергофская гранильная фабрика, на которой изготавливались украшения из драгоценных камней для царской семьи. В середине XIX века завод производил мозаичные полы для Исаакиевского собора и дворцов Петергофа. В 1911-м кроме изделий для царского двора предприятие начало изготавливать мелкие бытовые предметы. Например, набалдашники для тростей или зонтов и пасхальные яйца из цветных камней.

После революции фабрику передали в ведение научно-художественного отдела петроградского управления научными учреждениями академического центра в структуре Наркомпроса РСФСР. В 1922-м завод вошел в трест «Русские самоцветы». Позже на нем изготовят облицовочные плиты для Мавзолея Ленина. В 1931 году фабрика была переориентирована на производство точных технических камней. Во время Великой Отечественной войны производство эвакуировали в города Углич и Куса. В 1946 году переименовано в Петродворцовый завод точных технических камней, а в 1954-м — в Петродворцовый часовой завод.

В 1961 году на предприятии началось производство часов «Ракета». После распада СССР завод продолжал существовать до начала 2000-х. Затем большая часть его площадей была сдана в аренду, а сам он оказался на грани банкротства. В 2010-м «Ракету» выкупили британский предприниматель Дэвид Хендерсон-Стюарт и французский дизайнер Жак фон Полье. Им удалось перезапустить дело. В 2014 году марка выпустила первый за 30 лет новый часовой механизм с автоподзаводом «Ракета-Автомат». Сегодня часы «Ракета» экспортируются примерно в 60 стран мира.

❺

ЛОЗОВСКИЙ / РИА НОВОСТИ

❹ Часы «Амфибия» для дайверов производства Петродворцового часового завода «Ракета», 2025

❺ Инженер Ленинградского оптико-механического объединения (ЛОМО) испытывает фотокамеру «Алмаз», 1981

ЛОМО

Трижды ордена Ленина Ленинградское оптико-механическое объединение имени В.И. Ленина (АО ЛОМО) в прошлом — оптический завод, построенный в 1914 году на Чугунной улице Российским акционерным обществом оптических и механических производств. Предприятие выпускало приборы для проверки прицельных линий пушек и перископы для артиллерии. После революции было переименовано в Государственный оптический завод, на котором впоследствии разработали передвижной кинопроекционный аппарат «ГОЗ» и первый отечественный кинопроектор «Русь».

В 1924 году завод вошел в Трест оптико-механического производства (ТОМП). В 1929-м ТОМП реорганизовали во Всесоюзный трест оптико-механических предприятий (ВТОМП), через год предприятие было переименовано в Государственный оптико-механический завод имени ОГПУ (ГОМЗ). Тогда же на заводе начался серийный выпуск первого советского массового любительского фотоаппарата «Фотокор №1», а в 1934-м — фотоаппарата «Турист». Позже на предприятии собирались фотокамеры «Лилипут», «Малютка», «Комсомолец», «Спутник», «Восход», «Зенит-35F».

В 1962 году завод преобразовали в Ленинградское оптико-механическое объединение (ЛОМО). После распада СССР приватизировали. В настоящий момент предприятие занимается производством оптических, оптико-электронных, оптико-цифровых и оптико-механических приборов, систем и комплексов.

«СЕВЕР-МЕТРОПОЛЬ»

Кондитерская «Север-Метрополь» ведет историю от булочной-кондитерской на Невском проспекте, 44, которая впервые упоминается в ежегоднике «Весь Петербург» за 1903 год. Заведение называлось «А. Андреев». Им владел первой гильдии купец Федор Кондратьевич Крымзенков. В конце 1920-х, после окончания нэпа, булочная-кондитерская и кафе при нем были национализированы и переданы сначала артели «Коопромхлеб», а затем артели «Хлебопечения».

С 1936 года предприятие числилось филиалом 1-й Государственной конфетно-шоколадной фабрики имени Самойловой. Непосредственно булочная к этому времени прекратила свое существование, а в магазине под названием «Норд» продавалась только продукция кондитерской фабрики. Во время Великой Отечественной войны «Норд» не работал. В 1946 году на фабрику пришла технолог Виктория Татарская, которая создала торты «Ленинградский», «Белая ночь», «Лунный», «Славянский», «Аврора» и пирожные «Север», «Невское», «Лотос». В 1951 году в рамках борьбы с космополитизмом предприятие было переименовано в «Север».

После распада СССР фабрика в результате приватизации перешла в собственность санкт-петербургской общественной организации инвалидов «Белый медведь». В 2007 году был построен новый завод на Выборгской стороне. Кафе на Невском проспекте, 44 продолжило работу после реконструкции в 2008-м с собственным мини-производством. В 2009 году кондитерская «Север» вошла «Красную книгу памятных мест Санкт-Петербурга». *W*

исторический *W*

Россия в фарфоре

Истории страны в коллекциях ИФЗ

Блеск и изысканность придворных сервизов XVIII–XIX веков, смелость и дерзость супрематических опытов начала XX, революционные лозунги, воплотившиеся в агитфарфоре, дань подвигу блокадного Ленинграда, сказочные миры Алексея Воробьевского и Александры Щекатихиной-Потоцкой. Все это — фарфор Императорского фарфорового завода.

Текст: Екатерина Новикова

❶ Чернильница с крышкой «Физкультурницы», автор модели Наталия Данько, 1933–1934

❷ Тарелка «Сбитенщик». Из «Гурьевского» сервиза, начало 1810-х

❸ Чайник, автор росписи Варвара Рукавишникова, автор рисунка Александра Щекатихина-Потоцкая, 1930-е

❹ Чернильница «Игра в шашки», автор модели Наталия Данько, 1937

«История Императорского фарфора уникальна уже тем, что в Европе мы вторые, кто изобрел свой фарфор, после Германии. И эта история длится уже несколько столетий, начиная с указа Елизаветы Петровны о создании Порцелиновой мануфактуры»,— говорит Елена Ворушилина, заведующая отделом керамики и фарфора Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства.

Первоначально Россия покупала фарфор у иноземных купцов. Это были изделия из Китая. После открытия в 1710 году в Германии Мейсенской мануфактуры и других заводов в страну стали поступать изделия европейских предприятий.

Первые попытки наладить фарфоровое производство были предприняты в России при Петре I. Фарфоровый секрет был открыт ученым Дмитрием Виноградовым, сподвижником Михаила Ломоносова. Он и стал основателем первого фарфорового завода в России, который расположился на берегах Невы. В 1744 году указом императрицы Елизаветы Петровны была основана Невская порцелиновая мануфактура. В 1765 году Екатерина II изменила ее статус и определила ей новое название — Императорский фарфоровый завод. Всего за несколько лет отечественные фарфористы достигли столь высокого уровня, что смогли создать «Собственный Ея Величества» сервиз, предназначенный для парадных обедов Елизаветы Петровны.

Конец XVIII века — время расцвета русского фарфора. Императорский завод стал одним из ведущих в Европе. Среди лучших изделий того периода — роскошные сервизы, заказанные Екатериной II,— «Арабесковый», «Яхтинский», «Кабинетский». Они насчитывали до тысячи предметов.

ФАРФОР ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

Одно из величайших произведений русского фарфорового искусства — парадный «Гурьевский» сервиз. Он был создан по распоряжению Александра I для Зимнего дворца. Сервиз первоначально назывался «Русским» или «Сервизом с изображением российских костюмов». Название «Гурьевский» произошло от фамилии графа Дмитрия Гурьева, в ведении которого тогда находился завод. Изготовление сервиза растянулось на семь лет. Работы были начаты по эскизам Степана Пименова в 1809-м и продолжались до 1816-го.

Центральная часть сервиза — сюрту-де-табль (франц. «настольное украшение») — состоит из ваз для фруктов, украшенных фигурами русских крестьян. Десертные тарелки изображают этнографические сцены из жизни представителей народов России и сюжеты с торговцами на улицах столичных городов. В резервах бутылочных передач, на чашках, супницах, вазах запечатлены виды Москвы, Петербурга и пригородных императорских резиденций. Всего к сервизу было выполнено 4500 предметов.

ФАРФОР МУЗЕЙНЫЙ И НАРОДНЫЙ

В 1844 году по случаю 100-летия завода открыли музей с изделиями из кладовых Зимнего дворца. А при Александре III было принято решение все вещи изготавливать в двух экземплярах — для двора и для музея. Среди крупнейших ансамблей того времени — сервизы «Коронационный» и «Рафаэлевский».

В годы правления Николая II завод находился под патронатом императрицы Александры Федоровны, по ее заказу были выполнены сервизы «Александринский» и «Царскосельский». С ИФЗ сотрудничали художники Евгений Лансере, Константин Сомов, Сергей Чехонин.

Самая обширная скульптурная серия в истории русского фарфора стала своеобразной «лебединой песней» ИФЗ перед началом его новой жизни. Император Николай II к 300-летнему юбилею Дома Романовых в 1913 году поручил создать серию фарфоровых статуэток, изображающих народности Российской империи. Работы были начаты в 1907-м и продолжались до 1917 года. Автором большинства моделей выступил Павел Каменский, скульптор, театральный декоратор. Его работы отличала большая этнографическая достоверность.

ФАРФОР ИДЕЙНЫЙ

Осенью 1918 года художественным руководителем завода стал художник и график Сергей Чехонин, заложивший основы стилистики фарфора нового времени. Он привлекал к сотрудничеству художников разных стилей и направлений — например, Михаила Адамовича, Кузьму Петрова-Водкина, Зою Богуславскую и других. Они активно работали с новой государственной символикой, находя порой неожиданные визуальные решения. Рубленые фразы лозунгов «Кто не работает, тот не ест», «Кто не с нами, тот против нас» на фарфоровых тарелках раскрывались гирляндами цветов. А наибольшего успеха в создании типажей современников добилась скульптор Наталия Данько. Среди самых известных ее работ — «Матрос со знаменем», «Работница, вышивающая знамя», «Партизан в походе», «Работница, говорящая речь», жанровые сценки времен нэпа «Трусиха», «Шпана», «Гадалка».

Ученик и соратник Казимира Малевича авангардист Николай Суетин пришел работать на предприятие в 1923 году, после Гражданской войны. Он также привлек к сотрудничеству самого Малевича и Илью Чашника. Так началась новая веха — формотворчество. Этот период в истории завода длился не очень долго, но был плодотворным. Василий Кандинский выполнил несколько вариантов росписи чайных сервизов.

ФАРФОР ВЕЛИКИЙ ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ

«Как выживал завод и его сотрудники во время блокады — отдельная тема. Смотря биографии художников, замечаешь, что даты рождения разные, а дата смерти у многих одна — 1942 год. Погибли сестры Данько, Таисия Кучкина и Николай Кольцов. Это очень страшно»,— рассказывает Елена Ворушилина.

В конце 1943 года возобновила работу художественная лаборатория завода, закрытая в начале войны. Уже в 1944-м, в канун 200-летия предприятия, художница Анна Яцкевич, всю блокаду остававшаяся в Ленинграде, разработала узор «Кобальтовая сеточка». Он стал визитной карточкой Императорского завода. А используемая для сервиза форма «Тюльпан» еще в 1930-е была предложена скульптором Серафимой Яковлевой.

«Это очень строгий и очень торжественный рисунок, вне моды и времени. Это гениальное произведение двух больших художников существует и будет существовать»,— считает Елена Ворушилина. *W*

архитектурный *W*

Выше ограничений

История одного здания, вместившего дух предпринимательства

Дом Зингера на углу Невского проспекта и набережной канала Грибоедова с его эркерами, валькириями на фасадах и стеклянным глобусом на крыше похож на огромную шкатулку — или сказочный дом-портал, который переносит то ли в другую эпоху, то ли в другое измерение.
Текст: Инна Логунова

ТА САМАЯ АМЕРИКАНСКАЯ МЕЧТА

История Дома Зингера начинается в Нью-Йорке, больше чем за полвека до строительства здания — с основания компании по производству швейных машинок Айзеком Зингером, сыном немецких эмигрантов. Он не был изобретателем, но обладал хорошими инженерными способностями и предпринимательской хваткой.

Существовавшие тогда бытовые модели часто ломались и оказывались сложны в обращении. Изучив вопрос, Зингер быстро нашел решение проблемы с помощью нескольких конструктивных усовершенствований. Расположил челнок горизонтально, чтобы не путались нити, добавил столик для ткани и держатель иглы, который позволил делать непрерывную строчку, и ножной привод. Получив патент, в 1851 году он выпустил в продажу первую модель. По тем временам ее стоимость была высокой — $100, но покупатели были готовы платить за качество и удобство.

Зингер понимал, что для продажи домашней техники нужно обращаться напрямую к ее пользователям, то есть женщинам. В то время журналов и газет для домохозяек было мало, поэтому рекламу размещали в театрах и раздавали посетителям вместе с религиозной литературой. Этот подход себя оправдал и в США, и позже в других странах.

SHUTTERSTOCK PREMIER / FOTODOM

❶ Дом Зингера, 1904

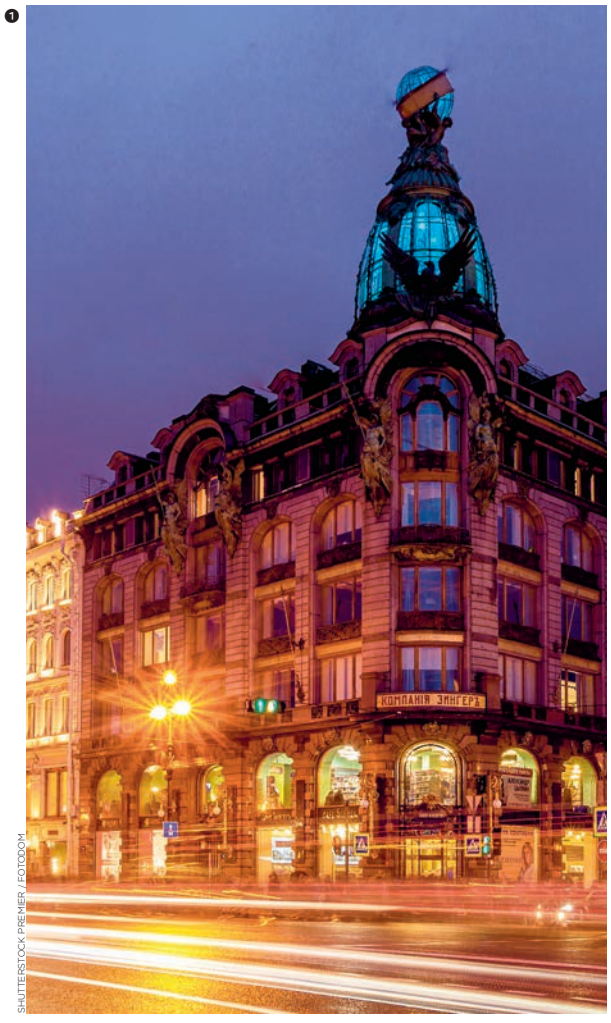
❷ Вывеска компании «Зингер» из собрания Александра Корсавина, начало XX века

❸ Вывеска книжного магазина, открытого в Доме Зингера в 1919-м

К 1858 году предприниматель запустил конвейерное производство, снизив цену до $10. Зингер также ввел рассрочку — новаторскую для того времени практику. Машинку можно было оплатить частями, обменять старую модель на новую с доплатой, а при поломке воспользоваться гарантией. Популярный формат компания впоследствии практиковала и в России, где благодаря этому даже появилось выражение «бежать от Зингера», которое означало отказ от уплаты долга.

В 1860-е годы началась экспансия компании за пределы США, в том числе в Российскую империю, где Зингер организовал обширную сбытовую сеть. После его смерти в 1875 году налаженное им дело продолжало успешно развиваться, а в 1902-м в Подольске открылся завод с тем самым русифицированным логотипом «Зингеръ», известным по архивным прабабушкиным фотографиям. Причем это производство предназначалось не только для российского рынка, но и для экспорта в Турцию, на Балканы, в Персию, Японию и Китай.

Масштабный бизнес требовал соответствующего представительства в столице, причем не просто обширного офиса, а здания, которое бы воплощало амбициозный дух компании. С этой целью был приобретен обширный участок на Невском проспекте.

SHUTTERSTOCK PREMIER / FOTODOM

МЕСТО НА НЕВСКОМ

Первоначально планировалось возвести здание в восемь или одиннадцать этажей — источники расходятся относительно точных цифр, но так или иначе постройка превышала бы высоту Зимнего дворца, что по регламенту того времени запрещалось. Однако ограничение распространялось только на фасады, и архитектор Павел Сюзор, получивший заказ на проектирование, предложил в 1902 году элегантное решение — добавить к зданию угловую башню со стеклянным куполом. Это позволило визуально выделить его среди окружающей застройки и сделать одной из архитектурных доминант Невского проспекта.

Сюзор создал к 1904 году, пожалуй, самое узнаваемое здание петербургского модерна. Типичные для этого стиля мягкие линии, обилие декора в виде растительных орнаментов, скульптур и эркеров. На угловой части под стеклянной башней на корабельных рострах разместились фигуры валькирий, олицетворяющие мудрость и благородство. Гарпун в одной руке символизировал торговое мореплавание, а веретено и машинка у другой — швейное дело. Стеклянный глобус на вершине башни, который поддерживают каменные матросы, означал амбиции «Зингера», намеревавшегося продавать свою продукцию по всему миру. Надо сказать, современники такую пышность облика встретили неоднозначно. Художник Александр Бенуа насмешливо называл его «флаконом духов», архитектор Лев Ильин — «пошлым» соседом Казанского собора.

В Доме Зингера использовали революционные для своего времени технологические решения. Так, в конструкции здания впервые в России применили металлический каркас, что позволило создать широкие витражные окна. Атриум — дворик под стеклянной крышей — также был архитектурной новацией. Чтобы сохранить целостность фасада, Павел Сюзор встроил водосточные трубы прямо в стены, куда также вмонтировал вентиляционные шахты и трубы парового отопления. Кроме того, работала отдельная паровая система, предназначенная для автоматической очистки крыши от снега.

Новаторским было и использование здания, которое можно считать первым в России бизнес-центром. Под фирменный магазин был отведен первый этаж, офис расположился в мансарде, а остальные помещения сдавались арендаторам, среди которых был Санкт-Петербургский частный коммерческий банк.

ДОМ ЗИНГЕРА ПОСЛЕ «ЗИНГЕРА»

После революции компания, с 1906 года имевшая почетный статус поставщика двора Его Императорского Величества, ушла из России. В 1919 году здание заняло издательство «Петрогосиздат», а на первых этажах открылся книжный магазин, где бывали Даниил Хармс, Самуил Маршак, Алексей Толстой и другие именитые литераторы. Даже во время блокады Ленинграда Дом книги не закрывался, вопреки выбитым окнам и перемерзшим трубам. Старейший петербургский книжный превратился в такой же знак города, как и архитектурный памятник, в котором он расположился.

Здание, которое в начале XX столетия, воплощало собой технический прогресс, в XXI веке стало штаб-квартирой «ВКонтакте» — олицетворения уже совсем других, нематериальных технологий. Офис социальной сети открылся здесь в 2010 году, а в 2024-м завершилась его масштабная, но, к счастью, бережная по отношению к историческому наследию реновация. *W*

Реклама. ООО «ЭККО-РОС», ИНН: 5042013346, ОГРН 1025005330404, 125252, Москва, ул. Авиаконструктора Микояна, д.12

ecco®
— GOLF —

НОВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ ДЛЯ ИГРЫ В ГОЛЬФ

ВЫБОР ПРОФЕССИОНАЛОВ

W с писателем

От окраины к центру

Петербург глазами писателя, который переехал в Москву

О своем городе, который был, которого не было, который всегда внутри, рассказывает Ксения Буржская — писатель, поэт, AI-евангелист виртуального ассистента «Алиса» в «Яндексе».

Между окраиной и центром лежала огромная пропасть, и в ней плескались киты. В детстве я слышала, что существуют люди, которые живут на Горьковской или Пестеля, там старые дома, огромные квартиры с темными, ссутулившимися шкафами, узкими окнами, слепо глядящими в колодцы дворов, парадными с гнутыми лестницами. Эти люди отличались от меня всем: у них было две руки и две ноги, но совершенно иная ДНК.

«Какой красивый город!» — слышала я от всех, кто приезжал погостить. Мой Петербург был панельной точкой, затерянной на карте города. Из окна я видела реку и кормовые поля. Я видела самолеты, вылетающие из Пулково. Я видела изогнутую змею многоподъездного корабля, дальним своим концом уходящую прямо в залив. Я видела сам залив — стальную границу между серым небом и зеленым расплывшимся лесом. Каждое утро я выходила на остановку и ехала на троллейбусе в школу: 10 километров. В троллейбус набивался весь наш микрорайон, в нем было жарко и тесно, и центр казался недостижимым, далеким краем, и я в нем всегда была только туристом.

По праздникам мы ездили в город. Мы так и говорили: «поехали в город», будто сразу признавая свою обособленность. По дороге в институт или на работу я читала. Так до 22 лет в метро я прочла почти всю библиотеку иностранной литературы и отечественных современников, я писала свои первые рассказы на стеклянных выпуклых колоннах в Автово, потому что поезд дальше не шел, а надо бы. Я не могла вернуться домой с затянувшихся вечеринок, потому что это слишком далеко, и так заводила друзей и любовников.

Потом я уехала в Москву и перекрутила свою ДНК. Я поселилась в центре и сама стала спрашивать тех, кто живет на окраинах: вы что, с ума сошли? зачем жить в этом городе, если вы в нем не живете?

В Петербурге теперь я снова турист. Ищу в памяти важные туристические метки.

Вот когда-то на выпускной нас повезли на автобусе к Университетской набережной. И там у спуска к Неве есть две гранитные скамьи, а по бокам — бронзовые грифоны. Держась за ушки, нужно было загадать желание в будущее. Не помню, что я загадала, наверняка любовь или стать писателем,— в общем, сбылось.

Как-то вечером шла после встречи с читателями по Невскому. Стоит парень с табличкой: «Прогулка на крышу. Сейчас». Пойдем, говорю. «Сейчас?» — удивляется он. «Ну у тебя же написано — сейчас. Значит, сейчас». Ну и пошли.

Грохот кровельного железа, провода, вид. Данил (в свободное от крыш время кладет потолки, живет в коммуналке на Ваське) говорит: «Люди раньше трехметровые были. Иначе зачем такие арки, такие потолки?» Потом говорит: «Есть версия, что город не построили, а раскопали». Ясно, говорю. Хорошо, что мимо не прошла, а то б не узнала.

Одна достопримечательность есть недалеко от дома моего детства — Петергоф. В детстве я его не любила. Не люблю, впрочем, и сейчас, его пышная, барочная красота кажется мне избыточной и оттого фальшивой. Но там есть фонтаны-шутихи, излюбленное развлечение всех детей. И я всю жизнь считала, что это какая-то высокотехнологичная история: чувствует, значит, твое приближение и давай тебя поливать. И вот, 20 лет спустя, приехав туда с детьми, я узнала правду, точнее, увидела: как сидит в кустах специально обученный человек и вовремя (не вовремя) жмет на кнопку.

Еще улица Маяковского. Там бар «Полторы комнаты». Не путать с одноименным музеем Иосифа Бродского, что в доме Мурузи, 24 на Литейном. (И это я тоже люблю, как люблю целиком Литейный — вместе с Фонтанным домом Ахматовой, и двором Фонтанного дома, исписанным посланиями, письмами и заверениями, как стена Цоя в Москве.) Так вот, в том баре подают лучшую в городе «Кровавую Мэри», копченную в дыму и с оливками.

А вот «Севкабель». Он и «Эрарта» — два места, куда я стараюсь попасть в каждый заезд. Недалеко от «Эрарты» — самого классного музея в городе (Эрмитаж не в счет) есть самозародившийся уличный музей странненькой скульптуры. Он во дворе относительно нового дома, напротив ДК Кирова, и жители тут в силу своего уникального художественного вкуса делают «красиво». Похожим образом на окраинах разрастаются дворы с полуразложившимися мягкими игрушками среди наскоро посаженных цветов.

СОНЯ ЛЕСНАЯ

«Севкабель» иной. Там ветрено, как всегда у моря; и строго, и чайки кружат, и можно целоваться в фотокабинке, и покупать на ярмарке сделанные вручную украшения, и штаны, и бесполезное мыло, и поесть приморский стритфуд — когда к крабам и мидиям в комплекте идет пластиковая вилка и бумажная тарелка. Но все это Васильевский остров, на который мы не будем приходить умирать, а будем жить.

И конечно, мосты. Мосты в моей юности — неудобство. Боишься не успеть. И все время, конечно, оказываешься не на той стороне, которая нужна. Это потом построят Большой Обуховский мост, и можно будет запросто опаздывать и на метро, и на мосты — ведь в объезд ночью будет недолго.

Не так давно ночевала в квартире на Горьковской — прямо из недостижимой детской мечты. Проснулась среди ночи от криков восторга, как на стадионном концерте, смотрю в окно, а там в узком просвете между тесными стенами колодца кусочек Невы, и огромная махина моста поднимается вверх, сверкая синими маяками.

Говорю хозяевам наутро, мол, проснулась оттого, что мост развели, а они отвечают: мост? у нас что, видно мост из окна?

Вернемся к окраинам. В районе Коломна, в Дровяном переулке есть скверик. Там установлен памятник Ольге Александровне, жительнице блокадного Ленинграда и матери автора — художника Бориса Семенова. Художник назвал памятник «Женщина блокады», но никто его не послушал, и стала она Венерой Коломенской. Долгие годы Венера шла в ногу со временем: у нее были зеленые волосы, фиолетовое лицо, ей надевали противогаз, рисовали слезы. И пару лет назад местные жители объединились и вернули Венере лицо — а также добавили цветы, куда ж без этого.

Или пляж. На Канонерском острове есть Канары. Остров отделен от суши Морским каналом, по набережной которого можно дойти до самого его конца через лес и оказаться на месте, где когда-то хотели построить гигантского Ленина, который бы встречал суда. И встретить суда вместо него. Кстати, финское название острова — Киссасаари, что означает «Кошачий остров».

Есть в Петербурге и исчезнувшее. В юности я очень любила сидеть на берегу у гостиницы «Прибалтийская». Именно там, среди страшных обглоданных ветром домов на ножках, Алексей Балабанов снимал первого «Брата». На песке там стояли шалманы, жарили шашлыки, наливали в стаканы пиво (конечно же, «Балтику»). Море совало свой нос на берег, целуя ноги, но никто из нас не считал, что это всерьез. Море — это когда соленое, синее, неживое. Город море подвинул — насыпал к берегу берег, возвел там каменный лес. Теперь в том месте, где я сидела, рисуя пальцами на песке, дорога и виадук, а дома, как по случаю сказал мне таксист, там попросту плавают. Сваи, сказал он, стоят ни на чем, просто лежат в воде. И только под тяжестью многоэтажек и держатся, но вода их точит, точит, и однажды вода победит.

Словом, мне сложно вспомнить что-то одно, связанное с этим городом: тут могла быть история про любовь или, наоборот, про разочарование, про ошибки или глупости, про «Красную стрелу», в которой восемь часов длилось лучшее мое первое свидание, или про страхи. Про белые ночи, украденный в детстве зонт, про дружбу и расстояния, утренний холод, про гулкие подворотни, низкое небо, про пышечную со сладким кофе из столовского котла, про грязные мастерские художников в мансардах, про ночные фонари Каменноостровского, про широченные тротуары Московского проспекта с Лениным, распахнувшим бронзовый пиджак. Но ничего толком не вспоминается — я прожила здесь всего 22 года, еще немного — и больше придется уже на Москву. Я всегда гордилась тем, что этот город принадлежит мне по праву рождения, что я им инфицирована, несмотря на все расстояния, а потому особенная, что он научил меня чувствовать и легко отпустил — я никогда и нигде по нему не скучала. Светлая, яркая, ярмарочная Москва звала меня отовсюду, а Петербург не звал никогда, но именно его произведением я стала, а он — моим. Понимаю его, злюсь на него, боюсь его и несу в себе — эту холодность, противоречие и снобизм.

Именно там я писала стихи — темные, пронзительные и с жаждой. Петербург не для прозы, он поэзия, а поэзия — всегда испытание. В прошлом году впервые поймала себя на мысли, что могла бы вернуться. Хотя его, в сущности,— классического, большого и древнего — в моей памяти совершенно не существует, как нет на карте Ленинграда, но охрово-желтый призрак все гонит и гонит свою воду в упрямый гранит и шепчет мне в ухо ветрами: ты моя, ты моя, ты моя. *W*

РЕКЛАМА

ECOLATIÈR®

NATURAL & ORGANIC

ЭФФЕКТИВНАЯ КОСМЕТИКА

С НАТУРАЛЬНЫМИ ИНГРЕДИЕНТАМИ

BEAUTY SCIENCE NATURE*

* Красота, наука, природа

спортивный *W*

Один город — одна команда

«Зенит» как символ и суть Санкт-Петербурга

История футбольных клубов скрывает гораздо больше, чем хронику собственных побед и поражений. И речь не только и не столько о таком социокультурном явлении, как фанатское движение. Иногда «О спорт, ты — мир!» — не пафосная абстракция, а самая настоящая жизнь. О том, как Питер сплотил «Зенит», рассказывает петербуржец, футбольный комментатор и экскурсовод Федор Погорелов.

Это во многих отношениях уникальный клуб. Так исторически сложилось, что большую часть времени в Северной столице в топе была только одна команда. Вспыхивали на время «Красная заря» с «Адмиралтейцем», неоднократно открывалось и закрывалось «Динамо», пока не переехало на берег Черного моря, где теперь играет под названием «Сочи». Фанаты «Зенита» сформулировали свое мироощущение в ритме кричалки: «Один город — одна команда!» За последние два десятилетия эта фраза окончательно оформилась в базовую ценность, семантически перекликающуюся с напористым двустрочием: «Лучше клуба нам не надо, чем „Зенит“ из Ленинграда!» Ну и действительно, зачем искать что-то еще, когда вот она, команда, связывающая с футбольной религией город и горожан.

Второй важный нюанс. Дореволюционные традиции игры в мяч пали жертвой тектонических преобразований, начавшихся в 1917 году. Нынешний отечественный футбол — наследник очень хитрого советского продукта под названием «ведомственный футбол». Футбол — английское изобретение, и благодаря англичанам по всему миру повелось так: боление за команду имеет непосредственное отношение к определенной географической идентичности. В Лондоне больше десяти команд, и каждая представляет конкретный район. Если ты родился, скажем, в Уотфорде, то ты никак не можешь болеть за «Челси» и «Арсенал». Яркий пример — Элтон Джон, который всю жизнь переживает за не самый успешный «Уотфорд» и даже владел им 15 лет, чтобы удержать клуб на финансовом плаву. В СССР же футбольные команды подчинялись ведомствам — географический принцип был не важен. МВД, Министерство обороны, Министерство путей сообщения и так далее — у всех на балансе содержались футбольные трудовые коллективы, которые должны были радовать работников определенной отрасли.

А в Ленинграде было не так. Да, первоначально «Зенит» создали как команду Ленинградского металлического завода (ЛМЗ); с началом Великой Отечественной клуб был отправлен под шефство ЛОМО, чтобы могла состояться эвакуация команды — ЛМЗ как предприятие оборонного комплекса эвакуации не подлежал. На самом деле клуб представлял в первую очередь интересы города. Московская конкуренция, имеющая сильную разъединяющую природу, в Ленинграде отсутствовала, игроков не переманивали из клуба в клуб, и команда оказывалась точкой преломления эмоций всех горожан. Это было хорошо заметно на стадионе имени Кирова. На одной трибуне соседствовали: отставной военный и молодой режиссер Игорь Владимиров, который на служебной «Волге» подбрасывал на стадион актеров собственной труппы Сергея Мигицко и Михаила Боярского; профессора ленинградских вузов и юный Лев Лурье; работник Кировского завода спрашивал у сидящего рядом Дмитрия Шостаковича, чем он занимается, и не верил, что есть такая профессия — дирижер. А сам стадион охранял яркий представитель поколения дворников и сторожей Майк Науменко, лидер группы «Зоопарк», в чьем творчестве иногда проскальзывали строчки про футбол.

Ленинград-Петербург, конечно, один из самых изменчивых городов Старого Света. Только за последнее столетие он пережил неоднократную смену режимов и статусов, даже хочется сказать — агрегатных состояний. В начале XX века это богатая столица Российской империи и могучий индустриальный центр. Затем — город Ленина, город трех революций. Следом — жуткая травма блокады, за которой прямой склейкой случилась трагедия «ленинградского дела». На десятилетия город Ленина — великий город с областной судьбой, провинция у моря, из которой всеми силами пытаются уехать — в Москву, в Вену, в Нью-Йорк. В 1991 году стартуют яркие демократические 1990-е с гигантскими коммунальными проблемами. Последние 25 лет Петербург постепенно возвращает себе дореволюционное величие. Туда перебираются московские корпорации, там растут небоскребы, высокоскоростные дороги прорезают просторы, летом город переполнен туристами, которые едут не только за высокой культурой, но и за высокой гастрономией. Репутацию барного и ресторанного центра страны Питер получил совершенно заслуженно. Собственно, Петербургский международный экономический форум — тоже символ изменившегося статуса города и его роли.

Точно так же на протяжении 100 лет менялся и «Зенит» — в этом году он празднует вековой юбилей. Сперва это команда-новичок, созданная в 1925 году при промышленном гиганте ЛМЗ. Далее следует героическая победа в Кубке СССР 1944 года — и трофей отправляется в город, который пережил трагическую блокаду. Это победа вопреки: в финале «Зенит» играл против грозного ЦДКА (как тогда назывался ЦСКА — Центральный Дом Красной Армии); руководство команды из Ленинграда, не ожидая успехов, просило футболистов просто проиграть достойно. Кубок СССР 1944 года — первый и последний на протяжении десятилетий трофей клуба: последствия «ленинградского дела» сказались и на команде. Почти всю вторую половину XX века она провела в тональности под стать великому городу с областной судьбой: в болельщицкой историографии этот период называется «40 лет без побед». За золотой вспышкой 1984-го последовали барахтанья в первом дивизионе конца XX века, помноженные на финансовые трудности: сложно бороться за спортивный результат, когда игроки получают зарплату редко или, например, ботинками фирмы Lenwest.

ДМИТРИЙ ПРОВОТОРОВ

XXI век «Зенит» встретил в статусе самобытный команды, грозы авторитетов, с обаятельными игроками и иностранными тренерами — в конце концов Петербург был первым русским городом, который открылся Европе. Ну а с 2006 года, в параллель с переменами в городе, «Зенит» после старта полноценного сотрудничества с «Газпромом» заслуженно превратился в главную команду страны. (С 1992 года «Зенит» заработал 27 титулов, выиграл Кубок УЕФА сезона 2007/08 и Суперкубок УЕФА — 2008, таким образом став самым титулованным клубом в новейшей истории России.)

К слову, эта взаимосвязь динамики города с историей клуба отлично представлена на выставке в пространстве «Севкабель», которая открылась недавно и проработает до конца сентября. Неслучайно она называется «Зенит. Петербург. 100 лет вместе». В цехах бывшего завода Сименса и Гальске показывают, как команда делала первые шаги в молодом Ленинграде. История блокады и футбола проиллюстрирована тромбоном Василия Юдина, на котором музыкант исполнял Ленинградскую симфонию в августе 1942 года, и запиской Дмитрия Шостаковича жене: «Ушел на футбол». Вольнолюбивый характер города подчеркнут подробной историей болельщицкого движения 1980–1990-х.

Посетителей выставки встречает голос Михаила Пиотровского, многолетнего директора Эрмитажа. За век «Зенит» стал таким же символом города, как супермузей, стрелка Васильевского острова и кораблик-флюгер Адмиралтейства. *W*

RBI

Каждый дом RBI — коллекционное произведение искусства. Здесь продумана каждая деталь, каждый штрих.

МИРЪ | Твоя вселенная у Невского проспекта
Ключи в 2025 году

КУИНДЖИ

Дом, озарённый светом, на Лиговском проспекте

СТРУНЫ

Новая мелодия жизни на улице Шостаковича

ЛИТЕРА

Дом для авторов своей жизни на левом берегу Невы

ULTRA CITY 3.0

Дом с фруктовым садом у Комендантского проспекта

ИСТОРИИ О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ, ЕГО ДОМАХ И ИСКУССТВЕ ЖИТЬ — НА САЙТЕ RBI

329 79 79 RBI.RU

РЕКЛАМА. ДОМ «МИРЪ». АДРЕС: МИРГОРОДСКАЯ, 1. ООО «СЗ "ЭР-БИ-АЙ—МОСКОВСКИЙ"». ДОМ «КУИНДЖИ». АДРЕС: ЛИГОВСКИЙ ПР. 240. ООО «СЗ "ЧЕТЫРЕ ГОРИЗОНТА"». ДОМ «СТРУНЫ». АДРЕС: УЛ. ШОСТАКОВИЧА, 1. ООО «СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ ЗАСТРОЙЩИК "RBI-СЕВЕР"». ДОМ «ЛИТЕРА». АДРЕС: БОЛЬШОЙ СМОЛЕНСКИЙ ПР., ДОМ 6. ООО «СЗ "ЭРБИАЙ-6"». ДОМ ULTRA CITY 3.0 (УЛЬТРА ГОРОД 3.0). АДРЕС: КОРОЛЁВА ПР. 81. ООО «СЗ «СЕВЕРНЫЙ ГОРОД»». ПРОЕКТНЫЕ ДЕКЛАРАЦИИ НА САЙТЕ: HTTPS://НАШ.ДОМ.РФ

W с ресторатором

Это мой город

Признания в любви и прочие практические советы

Петербургский ресторатор Арам Мнацаканов, гедонист и путешественник, составил по просьбе Weekend мини-гид по Северной столице. Такой, как если бы он давал рекомендации своему давнему другу.

Питер — это город моего детства, воспоминания о котором — лето, папа, сборы на дачу, варенье из морошки, поездки на велике с Васильевского через мосты на Невский и дальше, Нахимовское училище, первый курс, друзья и, конечно, разные влюбленности. Он всегда будет восприниматься через призму того юношеского счастья.

Безусловно, Петербург — одно из самых красивых мест на земле. Сколько бы раз ты ни возвращался сюда, неминуемо захватывает дух от панорамы Невы и красоты самых разных уголков города. А в период белых ночей Петербургу подходят только такие определения, как «великолепный» и «имперский».

Даже несмотря на то, что погода всегда непредсказуема. Как настоящий петербуржец, я точно знаю, что тут ежедневно могут пригодиться и зонт, и солнечные очки. Солнце с утра еще не означает, что после обеда не случится проливной дождь. И наоборот. Что тут скажешь — город у моря.

Питер очень размеренный, он не терпит суеты. Большинство людей здесь никуда не спешит, но никуда и не опаздывает. В этом принципиальное отличие от Москвы, где каждый стремится максимально повысить давление вокруг себя, все суетятся, но редко приходят вовремя.

И люди в Питере такие были всегда. В 2000-е, когда в Москве в «Кофемании» в девять утра уже по третьему разу накрывали завтрак, в Питере не было ни одного места, кроме пятизвездочных отелей, где можно было в это время хотя бы просто выпить кофе. Это поначалу сводило с ума деловитых москвичей, которые приезжали сюда в надежде расширить бизнес, но в итоге махали на эту затею рукой, отчаиваясь собрать в офисе в 9:30 утра хотя бы половину сотрудников.

Притом этот вяло-спокойный ритм жизни в городе сочетается и до сих пор у петербуржцев с довольно холодным, осторожным взглядом на все новое, без беспочвенных восторгов и без авансов,— человек ли это, новый ресторан или набережная. «Давайте для начала посмотрим! Пусть себя как-нибудь проявит. А уж дальше решим, хотим ли мы с ним общаться, ходить туда или ездить» — так традиционно тут принимают и чужих, и своих. Поэтому стать популярным у петербуржцев значительно сложнее, чем у москвичей. Люди в столице проще в восприятии и быстрее в оценках — если ты в чем-то хорош, то их расположение к тебе не заставит себя ждать. Я помню, как эта волшебная особенность москвичей ярко проявилась, когда я открыл 13 лет назад Probka на Цветном. И сегодня признание и родных петербуржцев, и уже ставших родными москвичей — главная моя профессиональная награда за почти четверть века работы в ресторанной сфере.

ПРЕСС-СЛУЖБА PROBKA FAMILY

Последние годы Петербург часто называют гастрономической столицей России, и, хотя я лично всегда был уверен, что в Москве больше ресторанов хороших и разных, я очень люблю и ценю всех коллег, которые представляют гастрономическую сцену Петербурга. С удовольствием их перечислю.

Birch и Betulla Арслана Бердиева — ценные для индустрии проекты, о которых можно не говорить лишних слов. Главное, что Арслан чудесный парень — талантливый, добрый и скромный — и собирает вокруг себя таких же ребят. Еда всегда вкуснее у хороших людей.

Эдик Мурадян и его «ЕМ» — вообще первый ресторан в стране, мне кажется, который был создан как душевный гастрономический аттракцион с сетом одного шефа (и ведь всегда у него девушки-шефы). Это место известно незаслуженно меньше Birch — очень его рекомендую.

Дима Блинов и Ренат Маликов — настоящие профессионалы своего дела, которые не перестают удивлять вкусом, смелостью и масштабом фантазии. Их Harvest / Reborn — соседи нашей Probka. Они заходят к нам в гости иногда, а мы — к ним.

Леша Буров и все его проекты для меня наиболее частый выбор, если я решаю пойти не к себе: прежде всего Self-Edge Japanese, но и греческий Poly очень крепко сделан, с большим вниманием к деталям.

И конечно, оригинальный, первый Big Wine Freaks — проект, перевернувший рынок ввиду отсутствия подобного формата: такого качества винных карт, выбора Шампани, live DJ и атмосферы не бывает в ресторанах, а такого качества еды и закусок — в барах. Но это есть и родилось в Питере. И навсегда изменило жизни его создателей, Володи Басова и Артема Цхакая, и наши жизни заодно.

А если хочется русской кухни и выпить от души, отправляйтесь в «Шаляпин» в городе или за городом и в бар Orthodox, созданный моими близкими друзьями Леней Ноткиным, Геной Голубевым и Иваном Третьяковым.

Многие ребята, проработавшие со мной много лет, отправились в собственное плавание и открыли классные и успешные проекты — Subzero, Italy Group, Jerome, новый Kira (надеюсь дойти туда на днях) и многие другие.

Могу поделиться вообще всеми своими главными адресами. Навести красоту можно в Bel Etage, рядом с Probka и Mama Tuta, и в салонах Sisley в «Астории» и «Гранд Отеле Европа» — высокий уровень любого мастера и качество процедур гарантированы. Если в Петербурге пойдете за обновками, то советую свои любимые магазины. DayNight — первый в городе концепт-стор моей подруги Дали — такие стильные интерьер и одежда могут быть, конечно, и в Нью-Йорке, и в Дубае, но есть и на Петроградке. Сразу несколько магазинов Babochka семьи Авсаджанашвили на Невском — невероятный городской проект, который уже почти 40 лет отличается безупречным обслуживанием. И классика — Bosco, тоже на Невском: отправляйтесь туда купить последнюю casual-коллекцию для тенниса, созданную совместно со Светланой Кузнецовой — нашей великой спортсменкой, которую я помню ребенком, играющим на корте на Елагином острове. Я сам ношу оранжевый бомбер с ее именем.

Эрмитаж, Русский музей, музей Бродского «Полторы комнаты», Мариинский и Александринка, Петергоф — это все и так знают. Но если хочется погулять в незнакомых местах, отправляйтесь на Елагин остров, почитайте про парк и дворец — это очень интересно. (Мы с семьей, кстати, живем по соседству.) И на обед загляните тут же рядом, на Крестовском острове, в мой итало-левантийский ресторан с шефом Джильберто Нассером — MINA.

А если будете в Экспоцентре, без заезда в город, всего 25 минут — и вы окажетесь в моем загородном ресторане «Рыба на Даче». Это оазис спокойствия и простого человеческого дачного счастья на берегу реки Сестры. Закажите чебуреки, люля-кебаб на гриле и рыбу домашнего копчения. Между курсами поиграйте в настольный теннис или просто наслаждайтесь медитативным течением реки, которая выглядит там как озеро. Совсем рядом, пять минут на машине, на взморье Финского залива — домузей Ильи Репина «Пенаты», интереснейшее место.

Все эти адреса проверены многими годами — и не только мной, но и гостями со всего мира. Я так часто давал советы друзьям и знакомым, что однажды начал выпускать путеводитель «Я люблю тебя, Петербург!», но в пандемию перестал. Надо возобновить. *W*

KIRA
RESTAURANT

В историческом здании бывшей альбомной фабрики Самуила Бехли на Кирочной улице распахнул двери ресторан KIRA — масштабный проект от создателей Jerome, группы компаний Galerie 46. В светлом пространстве с архитектурным размахом соединились гастрономия Средиземноморья, уникальный интерьер с продуманным зонированием и дух щедрого итальянского радушия.

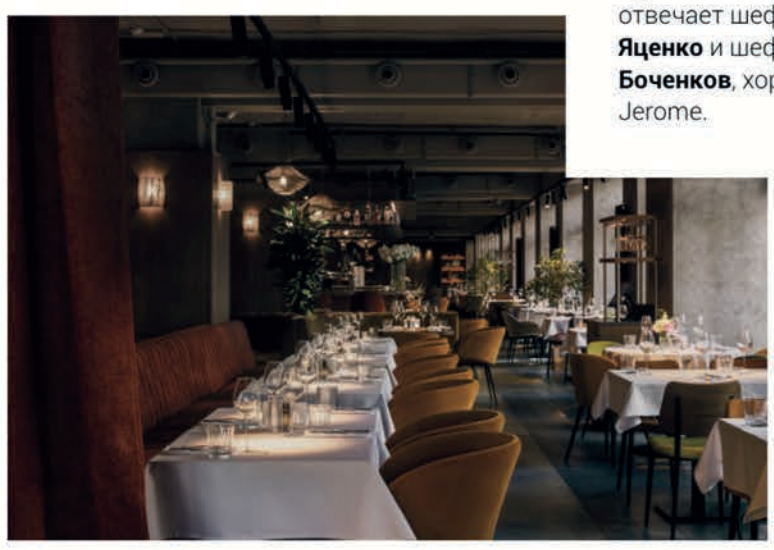
Возглавляет кухню KIRA **Павел Циклинский**. Над созданием меню он работал в тандеме с именитыми шефами Средиземноморья и Ближнего Востока, включая итальянца Паскуале Паламаро, греческую пару Аджелоса и Ольгу Бакопулос и марокканского шефа Джавада Рахали. Получился гастрономический калейдоскоп, охватывающий весь Средиземноморский регион: от мезе и мутабаля до осьминога стуфато и баранины с черносливом. В меню — салат из цветной капусты с пармезаном, стейк бавет с перечным соусом, равиоли с белой рыбой и паста критораки с креветками.

В завершение — восточные канноли с фисташкой, лимонный тарт и трюфель с зелёным кардамоном. Листинг будет обновляться в зависимости от сезона и вдохновения команды. За напитки отвечает шеф-сомелье **Екатерина Яценко** и шеф-бармен **Павел Боченков**, хорошо знакомые гостям Jerome.

Разработку дизайн-проекта для KIRA команда Galerie 46 доверила **Ксении Смирновой**, в портфолио которой числятся многие знаковые рестораны Петербурга и Москвы. Индустриальное наследие здания бывшей фабрики обрамлено в благородные материалы: тёплое дерево, мрамор, ручной текстиль, антикварные предметы и живые растения в кашпо, расписанных студентами Академии Штиглица. Пространство одновременно камерное и масштабное — здесь 3 зала, которые легко трансформируются под частные события, а к открытию готовится летняя терраса.

KIRA задумана как **гастрокультурный центр**: здесь планируются гастроли шеф-поваров, а в детском клубе скоро начнутся мастер-классы и спектакли. На террасе нас ждут концерты, барбекю и аперитивы на закате. Атмосфера KIRA продолжает традиции Jerome: забота о гостях, элегантность, радость от общения и любовь к деталям. И, конечно, собаки здесь тоже всегда желанные гости.

г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, 67, стр. 2

915 65 67

kirarest.ru

Реклама, 0+

познавательный *W*

В Питере пили

Где кутили Петр I, Пушкин, Довлатов и Смоктуновский

В этом году у питерской питейной традиции важная годовщина — в 1905 году при ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной открылся первый в городе бар. В нем за высокой стойкой бармены смешивали коктейли — такого алкогольного аттракциона Санкт-Петербург еще не видел, хотя традиция различных приятных для выпивки заведений в городе была всегда богатой.

Текст: Ульяна Волохова

АВСТЕРИЯ «ЧЕТЫРЕ ФРЕГАТА»: ПЬЯНКИ С ИМПЕРАТОРОМ

Питейный дом напротив Петропавловской крепости был одним из первых подобных заведений Санкт-Петербурга. Открыл его около 1703 года Иоганн фон Фельтен. Он прибыл из Гамбурга в надеждах развить в новом городе ресторанный бизнес и не прогадал. Ему удалось заполучить главного клиента Российской империи — Петра I. Императору нравились европейские порядки заведения. Еду подавали на оловянных тарелках, пиво в глиняных кружках, а с потолка свисали гроздья колбас. Как и во многих портовых кабаках Европы, морякам и морским путешественникам предлагался напиток для профилактики цинги — Фельтен для этого настаивал водку на еловых шишках. Петр I имел привычку заходить в австерию после службы в Троицком соборе, выпить чарку анисовой водки с кренделем — все присутствующие при этом получали «царскую порцию», оплаченную императором. Петр I использовал это заведение и для своих «викториальных торжеств» — пышных и очень пьяных праздников по поводу важных государственных событий. Здесь император праздновал закладку Адмиралтейства, победу в Полтавской битве и мирный договор, закончивший Северную войну. Благодаря последней австерия и получила свое название «Четыре фрегата» — в честь четырех шведских кораблей, чей захват в 1720 году определил исход войны.

❶

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»

❶ Николай Кузьмин. Иллюстрация к роману Александра Пушкина «Евгений Онегин», 1933

❷ Владимир Дмитриев. «Кабаре „Бродячая собака“» в Санкт-Петербурге», 1910-е

FINE ART IMAGES / HERITAGE IMAGES / GETTY IMAGES

❷

РЕСТОРАН «ТАЛОН»: ЛЮБИМОЕ МЕСТО ПУШКИНА И ОНЕГИНА

«Вошел: и пробка в потолок, // Вина кометы брызнул ток; // Пред ним roast-beef окровавленный, <…> // И Страсбурга пирог нетленный» — так Александр Пушкин представлял вечер Евгения Онегина в модном ресторане «Талон» на Невском проспекте. Описание документально фиксирует все, за что это заведение было любимо современниками. Открытый после наполеоновских войн ресторан стал одним из первых в городе с французской кухней и познакомил своих завсегдатаев с мягкими сырами, трюфелями, ростбифом и паштетом, называемым в России «нетленным пирогом» — благодаря консервации он долгое время сохранял свежесть. «Вино кометы» — тоже указание на конкретный напиток. В «Талоне» были внушительные запасы шампанского «Мадам Клико» 1811-го, считавшегося особенно изысканным из-за того, что виноград того года вызревал, когда в небе было видно свечение большой кометы. Ресторан считался главным местом кутежей золотой молодежи столицы и славился холостяцкими вечеринками, частым участником которых был Пушкин.

❸

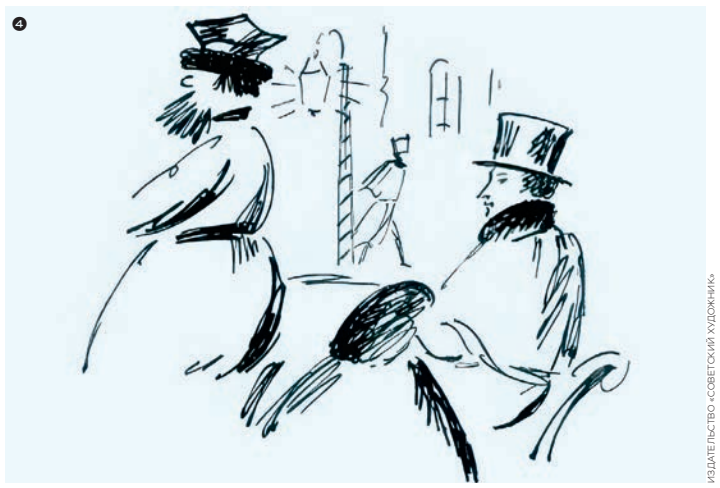
ОБЩЕСТВЕННОЕ ДОСТОЯНИЕ

❸ Коктейль-бар при ресторане «Медведь» на Большой Конюшенной, 1906

❹ Николай Кузьмин. Иллюстрация к роману Александра Пушкина «Евгений Онегин», 1933

❺ Карл Булла. «Чествование Константина Бальмонта в „Бродячей собаке“», 1913

❹

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК»

РЕСТОРАН «МАЛОЯРОСЛАВЕЦ»: РУССКАЯ КУХНЯ И РУССКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

В противовес заведениям с европейскими блюдами и выпивкой в 1812 году на Большой Морской улице открылся ресторан «Малоярославец». Он специализировался на русской кухне: расстегаи, уха, солянки, щи, каши, запеченный поросенок и бараний бок. Запивать все это полагалось водкой, настойками, пивом и, конечно, квасом. Акцент на местных традициях, крайняя демократичность цен и атмосфера привлекали в ресторан всех, кто видел себя близким народному духу. В «Малоярославце» Глеб Успенский провел «умопомрачительный и убийственный» литературный обед в русском стиле в ответ на изысканную французскую вечеринку для писателей от Петра Боборыкина. Антон Чехов положил начало «обедам беллетристов», на которые каждый месяц собиралась творческая интеллигенция, чтобы выпить за успехи друг друга и погоревать о проблемах. Участники революционного движения в отдельных кабинетах ресторана обсуждали теорию и практику свержения царской власти. А самый постоянный клиент заведения Модест Мусоргский приходил «проконьячится» в перерывах работы над «Хованщиной» и «Борисом Годуновым» и порой засиживался до утра.

КАБАРЕ «ПОДВАЛ БРОДЯЧЕЙ СОБАКИ»: ЭПИЦЕНТР СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Самое богемное заведение Петербурга открылось случайно. Алексей Толстой и Борис Пронин хотели собрать вечеринку для празднования наступления 1912 года, искали помещение и шутили, что похожи на «бродячих собак, которые ищут приюта». Когда помещение — небольшой подвал на Михайловской площади — было найдено, Пронин решил основать в нем кабаре, которое так и назвал: «Подвал бродячей собаки». Вначале планировалось, что это будет заведение исключительно для общения и объединения поэтов, художников, актеров, музыкантов — в подтверждение этой концепции над входом висел плакат «Все между собой считаются знакомы». Однако быстро стало понятно, что для содержания «Бродячей собаки» нужен доход не только от творческой богемы, и в заведение стали пускать всех, кто мог заплатить за вход 25 рублей — приблизительно столько в среднем получал рабочий завода. Изысканными блюдами и напитками кабаре не славилось, зато программы вечеров были легендарными: Анна Ахматова читала только что написанное стихотворение «Все мы бражники здесь, блудницы», Владимир Маяковский впервые представил публике свои стихи, а Всеволод Мейерхольд режиссировал небольшие спектакли.

КАФЕ «САЙГОН»: ВСЕ НОНКОНФОРМИСТЫ ЛЕНИНГРАДА

Как только не называлось кафе при ресторане «Москва» на Невском проспекте — и «Подмосковье», и «Петушки». Прозвище «Сайгон» оно, по слухам, получило от неудачной шутки милиционера, следящего, чтобы в заведении не курили,— в 1960-е в разгаре была вьетнамская война, и дым от сигарет он сравнил с атмосферой в подвергавшемся нещадным бомбардировкам городе. В первое время алкоголя в меню заведения не было, но это не мешало его посетителям отлично напиваться из-под полы или разбавляя местный крепкий кофе коньяком: следовать правилам публика, приходившая в кафе, не привыкла. Здесь можно было что-нибудь прикупить у фарцовщиков, обменяться самиздатом и впечатлением о нем, поболтать о христианстве и иудаизме, найти людей, разбирающихся в Хайдеггере, восточной философии и новых течениях западной живописи или музыки. В 1960–1970-е в «Сайгоне» можно было встретить Сергея Довлатова, Иосифа Бродского, Евгения Рейна и Иннокентия Смоктуновского, в 1970–1980-е — Виктора Цоя, Майка Науменко или Сергея Курёхина.

КЛУБ ТАМТАМ: ПЕРВЫЙ НАСТОЯЩИЙ КЛУБ СТРАНЫ

Идеологом и основателем TaMtAm был бывший виолончелист «Аквариума» Всеволод Гаккель. В 1991 году он побывал в культовом клубе CBGB в Нью-Йорке — месте, где родился панк-рок, и решил, что у альтернативной музыки новой России тоже должно быть такое заведение. Клуб открылся в том же году на Малой площади Васильевского острова и действительно стал центром новой культуры. На сцене TaMtAm одни из первых своих концертов давали «Король и Шут» и «Последние танки в Париже», выступали «АукцЫон», «Сплин» и «Кирпичи». Атмосфера в клубе царила самая свободная — там одновременно можно было встретить и авангардных художников, и хиппи, и скинхедов, и поклонников регги, и панков. А порядки напоминали устройство анархистского сквота: кто-то приходил переночевать в клубе (для этого оборудовали крошечную комнату с кроватями как в купе поезда), кто-то оставался на танцполе до утра. Главным напитком заведения было пиво — рассказывают, что им даже расплачивались с выступающими музыкантами. *W*

FINE ART IMAGES / HERITAGE IMAGES / GETTY IMAGES

❺

W на выставке

Проект «Кожа Земли»

Первая международная биеннале экологического искусства

Нижний Новгород
до 20 ноября

❶

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ БИЕННАЛЕ

Если настоящее искусство висит на стене, то оно обязательно «выстрелит». Оно всегда поднимает самые важные и самые тяжелые темы — редко давая ответы, но обязательно формулируя вопросы так, чтобы они прозвучали не только в голове, но и в сердце. Иногда декоративность дает преимущества, обеспечивая привлекательность. Иногда, наоборот, не дает идти в глубину, позволяя остаться в зоне легкости и комфорта. С абстрактными стилями и формами еще сложнее. В отношении них гораздо проще занимать защитную позицию «ничего не понятно и вообще некрасиво» и проходить мимо, игнорируя неудобные темы и негативные эмоции. Для большинства художественных высказываний на тему экологических проблем опасность оказаться в одной из этих двух крайностей тоже велика и буквально пропорциональна тому, насколько рационально важен и подчас эмоционально невыносим разговор о настоящем и будущем нашей планеты. Но поиск образов и изобразительных средств, слов или молчания продолжается. Творческие люди не менее упорные и упертые, чем экоактивисты. В Первой международной биеннале экологического искусства в Нижнем Новгороде принимают участие более 150 современных художников — и для каждого зрителя здесь точно найдется именно та работа, которая на одном языке заговорит с его умом или душой.

❷

ПРЕДОСТАВЛЕНО ПРЕСС-СЛУЖБОЙ БИЕННАЛЕ

Биеннале такого масштаба проводится впервые в мире. Это почти всеобъемлющий, многожанровый и междисциплинарный проект, посвященный взаимоотношениям человека и природы. Сюда с инсталляциями, видео-артом, фотографией, живописью, графикой и скульптурой приехали художники со всей России, из Аргентины, Бенина, Вьетнама, Демократической Республики Конго, Зимбабве, Италии, Китая, Республики Корея, Мексики, Непала, Нигерии, Перу, Сенегала, Филиппин, Франции, Японии. Выставка будет идти в течение полугода на шести ключевых культурных площадках Нижнего Новгорода.

17 апреля биеннале экологического искусства открылась проектом «Земное / Планетарное» в Волго-Вятском филиале ГМИИ им. А.С. Пушкина (Арсенал). Он призван донести до зрителя идею единства мира и взаимосвязанности всего живого на Земле. Среди основных тем — разумеется, климатические изменения и загрязнение окружающей среды.

А 29 мая на Мытном рынке и в гостинице Ермолаевых заработала основная программа биеннале — «Кожа Земли». От одного названия по собственной коже бегут мурашки — на этом физическом ощущении невозможно не прочувствовать, какая одновременно сильная, но хрупкая, важная, но тонкая оболочка и у нашей планеты. На ней тоже шрамы и раны, раздражение, зуд, ожоги, укусы, царапины, пигментные пятна, ей жарко, она высыхает… Проект собрал 250 работ 70 художников из 33 стран — среди них осмысление корней и опоры, фундамента и «земли под ногами», традиций и инноваций, местной культуры и глобализации, ресурсов и биоразнообразия, а также переосмысление личной ответственности и коллективных этических принципов. «Сегодня тема экологии стала одной из самых важных не только в глобальной общественной повестке, но и на международной художественной сцене,— констатирует программный директор и главный куратор биеннале Юлия Аксенова.— Проектов, посвященных общим планетарным проблемам, становится все больше, и радостно осознавать, что биеннале экологического искусства — одна из самых крупных инициатив не только в России, но и в мире».

Неудивительно, что именно Нижний Новгород организовывает и принимает такое масштабное и сверхактуальное мероприятие. Еще в 1896 году здесь проходила грандиозная XVI Всероссийская промышленная и художественная выставка. Ее уровень нисколько не уступал аналогичным событиям в столицах ведущих индустриальных стран, в том числе Великобритании. А показанные объекты — такие как башни Владимира Шухова — производили не меньший фурор, чем Эйфелева башня тремя годами позже на Всемирной выставке в Париже. И сейчас Нижний Новгород, один из ведущих промышленных и инновационных российских центров, становится самым очевидным выбором в качестве площадки для диалога на тему взаимодействия человека и природы.

❶ Студия Александры Кехайоглу. «Река Парана-делас-Пальмас», 2021

❷ Эрдал Инджи. «Пряди на земле», 2022

❸ Захра Аль Гамди. «Mycelium Running», 2019

В частности, в рамках проекта «Кожа Земли» использованы продукты из переработанного пластика, предоставленные компанией «Сибур», партнером по устойчивому развитию нижегородской биеннале. В то время как неравнодушные к экологическим проблемам люди собирают, например, избыточно большие коллекции модных холщовых сумок, они не задумываются о том, что синтетические материалы были созданы как альтернатива природным ресурсам — бумаге, хлопку и дереву, производство которых стремительно истощало экосистемы с ростом населения Земли и антропогенной нагрузки. Синтетические материалы, среди которых полимеры и пластики, прочны и долговечны и обладают огромным потенциалом к переработке и повторному использованию, что и демонстрируют экспликации на табличках из переработанного пластика.

❸

COURTESY OF JAMEEL ARTS CENTRE

«Сибур» в Нижегородской области представлен тремя предприятиями — в Кстово и Дзержинске, где производит современные синтетические материалы, без которых невозможно автомобильное движение и авиаперелеты, а также большинство других отраслей экономики. Кстати, инструменты и материалы, которыми работают художники, создавая работы на экотему, тоже производятся из «сплошной химии». В этом, пожалуй, настоящий эталон дуальности, переносящий диалог из социокультурной плоскости уже полностью в область философии. *W*